

РОССИЯ НА РАЗЛОМЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

РУССКИЙ НАРОД И ГОСУДАРСТВО

В последние годы много критикуют русских за их приверженность государственности: русские привыкли во всем полагаться на государство, и это якобы является причиной того, что мы проигрываем в конкурентной борьбе с другими этносами. Предлагают в очередной раз ломать русский характер через колено, менять стереотип поведения и вырабатывать новые правила общежития. На мой взгляд, это очередное преступление перед народом.

Мне кажется, что народы похожи на организмы или виды животных в том, что каждый из них вырабатывает свой тип поведения для адаптации к жизни. Одни животные вырабатывают умение незаметно подкрадываться к добыче и выслеживать ее, другие, наоборот, спасаться бегством от хищников, иногда это бывает едкий отпугивающий запах, в других случаях – умение жить в коллективе или более высокий интеллект и т. д. Сейчас народ нашей страны переживает глубочайший кризис, и уместно нам попытаться осознать, какие же созданные историей силы есть в нашем распоряжении, на что мы сможем вообще опереться. Для сравнения приведу ре-

альные примеры. Многие малочисленные народы, которые живут среди более многочисленных, часто вырабатывают чувство взаимной поддержки или спайки, когда близость общих стереотипов поведения позволяет лучше оценить человека и делает его более надежным в сотрудничестве. Так образуются национальные группы во многих областях деятельности – от сицилийской мафии до контроля над московскими рынками. Но прошедшие десятилетия, думаю, убедительно доказали, что такого чувства сплоченности русские не выработали.

Другие народы вырабатывают способность почти мгновенного заражения единым чувством согласованного действия. Особенно эти качества выражены у еврейского народа. Один из ведущих национальных идеологов еврейского народа XIX в. по фамилии Гретц однажды назвал это «чудесной взаимосвязью, нерасторжимо соединяющей членов еврейского мира». Это свойство особенно ярко проявилось, например, перед Первой мировой войной в так называемом деле Бейлиса, который был обвинен в ритуальном убийстве мальчика Ющинского. Дело это мгновенно стало общемировым событием. Дошло до того, что иностранные послы делали запросы министру иностранных дел России. Я вспомнил об этих событиях недавно, когда посетил Оптину пустынь и поклонился там могилам трех зарезанных лет пять назад монахов. Это уж было несомненное ритуальное убийство, чего не отрицал даже и сам задержанный убийца. Но оно не вызвало абсолютно никакого отклика не только во всем мире, но даже и в России.

Так что подобной «чудесной взаимосвязи», как говорил Гретц, русские явно не создали. Ну так выработал ли русский народ вообще какие-то исторические инструменты адаптации за свою длинную историю? Кажется, что да. Это создание своего национального государства,

цель и оправдание которого – защита народа, причем не только защита его границ, но его духовной, экономической и даже чисто биологической жизни. Конечно, национальное государство – это не русское изобретение, но в России именно этот социальный фактор бывал спасительным, и особенно это ясно было в XIII–XIV вв., когда Россия под монгольским игом как бы провалилась в такую же глубокую историческую яму, как сейчас. Тогда, например, было написано ярчайшее «Слово о погибели Русской земли» – значит, именно так современники воспринимали произошедшее. А многие сейчас аналогично оценивают наше положение. Тогда в летописях задумывались о причинах того, что случилось с Россией. И ответ обычно был такой, что это кара Божья за распри князей, т. е., на современном языке, за упадок общегосударственного чувства. Да ведь и «Слово о полку Игореве» все проникнуто ужасом того, что какое-то происходит отрицательное, разрушительное явление в народной психологии, которое приведет к трагическим последствиям, что вполне оправдалось. И укрепление государства тогда дало действительно выход из того положения, которое, казалось бы, было безнадежным. И народ, видимо, осознавал эту роль государства как своего защитника и поэтому многое терпел: и постоянное закрепощение (пока это была «крепость земле», а не превращение в частную собственность, в холопа), и другие тяготы тогдашней суровой жизни. И в результате государство дало возможность народу за два-три века вырасти так, что он потом смог сам после Смутного времени восстановить разрушившееся государство.

Поэтому похоже, что и теперь у русских есть лишь одно средство, чтобы снова стать жизнеспособным народом, – это создание сильного русского государства, которого, конечно, опасаются все, кто желал бы господ-

ствовать над русскими или чтобы русская сторона была слабее в мире. Может быть, другие страны – такие как Англия или США – действительно способны надежно отстаивать интересы своих народов, имея слабые государства. Так, Англия поднялась до уровня великой державы без обязательной воинской повинности, без государственной системы обучения, без государственного медицинского обеспечения, апеллируя к общности интересов населения, организуя общество по типу какой-то акционерной компании. Но опыт истории показывает, что для русских нет такого пути, а есть единственный способ отстаивать себя – создание и укрепление своего национального государства.

При этом мне кажется самым существенным фактором, что государство является только инструментом или средством для достижения вполне определенной цели – защиты народа. Но, конечно, любой инструмент, как бы совершенен он ни был, может действовать эффективно, а может действовать неэффективно, может даже быть кем-то использован для совсем непредусмотренных целей. Так что главный принцип государства, мне кажется, заключается в том, что оно есть инструмент народа. Или, короче, что государство для народа, а не народ для государства.

Марксизм рассматривает государство исключительно как орудие классового господства. Но, например, в XV–XVI вв., наоборот, казалось бы, государство всех защищало от Орды. Однако нельзя не признать, что в некоторых условиях государство может быть или может стать орудием господства определенного правящего слоя. Какой-то правящий слой в течение всей известной истории всегда существовал. Из этого следует, что он, вероятно, всегда или, по крайней мере, в обозримом будущем будет существовать.

Это особенно ясно должно быть нам, жителям современной России. Ведь в течение XX в. мы, т. е. Россия, испытали, кажется, все известные формы государственного устройства: абсолютную монархию, конституционную монархию, либеральную демократию, тоталитарный строй и опять либеральную демократию. Мало в этих общественных укладах было общего, но можно заметить, что всегда судьбу народа определял какой-то узкий слой. Это часто и явно подчеркивалось. Ленин, например, писал, что если будущие историки восстановят современность, то вряд ли поверят тому, как мало людей, какие отдельные тысячи, может быть, сотни людей фактически осуществляли управление страной. Собственно, иначе не может быть. Основная часть народа не имеет сил вырабатывать стратегию его поведения в целом. Как и в каждом организме, большинство клеток работают просто на то, чтобы организм жил, это главная его цель.

Глубинной причиной теперешнего кризиса является то, что мы лишены правящего слоя, который свою цель видел бы в защите народа. А как следствие – он не может, да и не хочет укрепления такого средства защиты, как государство. Достаточно вспомнить последний кризис, который мы пережили в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (собственно, эта ситуация продолжается до сих пор). Он происходил под оглушающие крики, какое-то улюлюканье о необходимости покончить с «последней империей», что было очевидной бессмыслицей, потому что, пожалуйста, Советский Союз распался, и часть его – Грузия – оказалась такой же империей, которая тоже может распадаться. (На самом деле в большей степени, чем Россия, империей является Китай, о котором просто не рискуют говорить, потому что он слишком силен.) Тогда поднимали на щит любого врага государства, будь то хоть Дудаев или Басаев. Видно было, что без разрушения

государства желаемых реформ произвести не удастся. Я не знаком с подробностями жизни Китая, но общее впечатление у меня таково, что, когда говорят о коренном различии так называемого китайского пути реформ и российского пути, в основе лежит факт, что в Китае не дали разрушить свое государство.

Мне представляется, что механизм образования правящего слоя, в конце концов, играет второстепенную роль: формируется ли он наследственно, через выборы, под влиянием денег, захватом власти или через пропаганду в средствах информации и т. д. Принципиально вот что: отстаивает он или не отстаивает интересы народа, укрепляет или не укрепляет государство для его защиты. Поэтому основным фактором современности представляется, что нынешний правящий слой этих функций не выполняет, и, как следствие, мы не имеем и государства, которое защищало бы наш народ.

Это видно, какую бы область жизни мы ни взяли. Народ стремительно вымирает, и об этом иногда упоминается, время от времени, но для красного словца, не связывая это ни с какими конкретными действиями, ни с какой программой борьбы с этой, казалось бы, губительной опасностью. Политические отношения России и Запада состоят из цепи односторонних уступок со стороны России, односторонность которых именно подчеркивается. Например, закрытие какой-нибудь базы России не сопровождается аналогичным действием другой стороны. Это подчеркивает, что мы делаем эти уступки не в порядке партнерства, а обязаны их делать как проигравшая сторона, вроде выплаты контрибуции победителю. Все, наверное, помнят это страшное событие, когда сотни людей были взяты в заложники в Театре на Дубровке в Москве. Я тогда был поражен промелькнувшим сообщением, что Соединенные Штаты рассматривают вопрос о призна-

нии тех организаций, которые ответственны за этот акт, террористическими. Но больше я об этом вопросе ничего не слышал, вполне возможно, что его рассмотрением все тогда и ограничилось. Таково так называемое партнерство в борьбе с мировым терроризмом, за которое Россия реально расплачивается смертельно опасным для нее осложнением отношений с исламским миром.

Если взять другую сторону жизни, то недавно президент Белоруссии на одной пресс-конференции в России сказал, что на наши доходы от нефти мы могли бы жить, как в Кувейте или хотя бы на среднеевропейском уровне. Но Россия вообще должна жить на доходы не от нефти, а от наукоемкого производства, на что она вполне способна. В то же время большей частью народ живет в полной нищете. И государство не препятствует этому, ради этого оно и было разрушено. Яркое это было описано на пресс-конференции, которую лет пять или шесть назад дали ведущие московские банкиры, приехав с визитом в Израиль. Там были высказаны поразительные мысли. Например: «Таких прибылей и таких доходов, как в России, не было нигде»; «Два года вообще не платили никаких налогов»; «Появилась возможность приватизировать богатства стоимостью в миллиарды, это было ничье!». Все это показывает: необходимо, чтобы все стало ничьим.

Таково положение в экономике. А как государство защищает духовную жизнь народа, можно судить хотя бы по тому, что бывший министр культуры в руководимой им телевизионной программе «Культурная революция» (одно название ее чего стоит) говорил, например: «Русская литература умерла», «Без мата нет русского языка», «Русский фашизм хуже немецкого» и т. д. Ведь это не выкрики какого-то экстремиста или хунвейбина, а демонстрация принципиального отношения теперешнего государства к русскому народу.

Таково сейчас положение, которое нам необходимо осознать прежде всего. У русского народа нет своего государства, которое стояло бы на страже его жизненных интересов. Как это совершилось? Как мы лишились своего государства? Поняв это, нам будет легче ориентироваться в современной, а может, и в будущей ситуации.

Речь идет о тяжелом и длительном процессе, занявшем около трех веков. Он шел то медленным подтачиванием главных принципов жизни, то грандиозными обвалами. Начало его, как мне представляется, где-то в XIII в. Сложившийся тогда правящий слой, как часто бывает в истории, не выдержал испытания властью. Он предпочел сохранить свои привилегии, переложив обязанности на остальной народ. Символичным в этом отношении был манифест «О вольности дворянства» 1762 г., причем закрепощение крестьян было сохранено еще почти на столетие. Ключевский, Платонов и другие историки видят именно в этом одну из причин Пугачевского мятежа в 1774 г. Крестьяне были уверены: раз один слой освобождается от обязанностей перед государством, то и они будут освобождены. А когда этого не произошло, вот тогда бунт на краю государства превратился в народную войну такого размера, что нужно было посылать лучших полководцев Империи для борьбы с ним. С другой стороны, как оправдание своего незаслуженного привилегированного положения в правящем слое начало складываться отношение к народу как к существам низшего сорта. Уже в XVIII в. Сумароков в комедии под названием «Чудовищи» выводит персонаж, который говорит: «Я бы и русского языка знать не хотел. Скаредный язык! Для чего я родился русским?». Но тогда лицо, выражающее взгляды автора, еще называет таких людей «привозная обезьяна». А уже в XIX в. Достоевский полемизировал с влиятельным и, может быть, доминирующим тогда направлением,

тезис которого он формулировал так: «Кто застыдится своего прошлого, тот уже наш». В начале XX в. Розанов выразил взгляд этого течения такими словами: «Россия есть ошибка истории».

Грандиозным силовым переломом всего развития была революция 1917 года. Тогда установилась власть, для которой «русский великодержавный шовинизм» был одним из главных врагов. Их идеология была интернационалистической. Так, в воззвании Коминтерна на 1 мая 1919 г. говорилось: «Грядет Всемирная Советская республика», – что и провозглашалось как идеал. Советский Союз был создан как некое временное государственное объединение, к которому, по мере победы мировой революции, будут присоединяться все новые и новые республики. Когда в 1923 г. в Германии вновь созрела, как тогда считали, революционная ситуация, то в газете немецких коммунистов «Rote Fahne» были напечатаны программные статьи Зиновьева, Троцкого, Бухарина и Сталина. В частности, Сталин писал: «Несомненно, победа немецкой революции перенесет центр всемирной революции из Москвы в Берлин». Так, это временное государство предполагало также и перемещающуюся столицу – то в Москве, то в Берлине, а потом, может быть, где-то и дальше.

Тот же дух господствовал и потом, когда вожди говорили, что «за 40, 50 или за 60 лет нашей истории...», вычеркивая тем самым все предшествующее из нашей истории. Андропов считал главной задачей борьбу с опасными «русистами» – опубликовано его письмо, направленное тогда в Политбюро. И так уже до следующего силового перелома в начале 90-х. Мне обычно задают вопрос: «Так что же нам делать, что вы предлагаете?»

Если такой вопрос понимать как вопрос о каких-то физических действиях, то должен сказать, что ответа

у меня просто нет. Мне представляется, что вообще здоровое развитие какого-либо народа не происходит так, что кто-то выдумывает для него путь, а остальные потом его принимают или отклоняют. Вроде, например, как Эдисон изобрел граммофон, и многие стали его покупать, а Эдисон разбогател. Такой путь «придумывания» иногда действительно реализуется, но это и есть утопия. Потом еще предстоит подгонять под нее действительную жизнь, что обычно является очень жестокой процедурой. Но обычное, нормальное, здоровое историческое развитие течет по каким-то другим труднодостижимым законам.

Тут есть какая-то «тайна жизни», нам, видимо, недоступная. Заметим, что и в эпоху, более всего похожую на нашу, – время монгольского ига в XIII–XIV вв., – никто и не придумывал никакого пути выхода, но этот путь был и заключался в восстановлении своего государства. Тогда реализовать этот выход удалось в связи со смутой, начавшейся в Орде, в летописях она называлась «замятня». Сейчас главная сила, которая на нас давит, – это Запад, созданная там мировая финансовая структура и колоссальная военная машина. Но я уже не раз приводил ряд признаков того, что и сам Запад подвергается воздействию многих разрушающих его факторов. Я эти соображения повторять не буду, тем более что недавно вышла в русском переводе книга известного американского политолога и политика Патрика Бьюкенена, которая так и называется – «Смерть Запада» и где приведено множество необычайно ярких фактов подобного рода.

Как мне представляется, распад Советского Союза и падение коммунистического режима тоже является отражением процесса распада Запада. В Советском Союзе была создана (пользуюсь терминологией историка Тойнби) «дочерняя», или «окраинная» по отношению к Западу, цивилизация. Это видно, прежде всего, по основной

роли в этот период марксизма – исключительно западного учения, а также и в принятии основного принципа, на котором основывалось общество Запада, – индустриализация за счет разорения деревни. Я очень хорошо помню это по своей молодости – всюду висели лозунги «Догнать и перегнать»... Но ведь догнать-то можно лишь того, кто признается находящимся впереди. Это признание Запада как образца и реализовалось полностью в 90-е годы.

Распад, упадок Запада играет сейчас роль «замятни» в Орде. Сейчас реальная и необходимая цель – это осознание активным слоем русских существующей ситуации, чтобы не быть застигнутым врасплох будущими событиями. По мере углубления «замятни» на Западе будут становиться более реальными, более видимыми возможности создания государства в России, которое защищало бы наш народ. Как говорил Маркс, который любил выражаться красиво, крот истории роет медленно, и сейчас основная реальная задача – быть идейно готовыми к изменениям жизни, которые явно назревают.

Сейчас нам упорно внушают, что государство – это пережиток прошлого, идет глобализация и суверенные государства уходят в прошлое. Но это чистая демагогия! Потому что, например, в Соединенных Штатах влияние государства все усиливается, вводятся такие государственные меры контроля над населением, которые были бы немыслимы 10 лет назад. Китай остается сильным централизованным государством. Конечно, в русской истории сильное государство играло такую роль, что очень трудно себе представить, чтобы от этого можно было бы излечиться. Точно так же, как нельзя излечиться от того, что мы – русские. Хотя надо помнить, что государство само по себе может быть и русским, и нерусским.

Может быть и антирусским. Может исполнять желания, служить какому-то слою. Например, государство

играло роль в самом суровом закрепощении крестьян, но, с другой стороны, через государство происходило и раскрепощение крестьян. Отмена крепостного права проходила под большим давлением государства. По инициативе государства в России были созданы сильные и прогрессивные законы по охране труда. Рабочее законодательство России было одно из самых радикальных в мире в начале XX в. Так что государство может играть такую роль, какую мы ему отведем. Конечно, существенным является факт, чтобы это было государство русское, чтобы правящий слой государства в основном состоял из русских, что даст ему возможность (это необходимое, но недостаточное условие) ощущать нужды народа. Иначе он при желании это сделать не сможет, да и желания такого иметь не будет. Писатель Виктор Астафьев когда-то мечтал о том времени, когда у нас и русские пушкинисты будут.

А вообще, для России лучше было бы не способствовать углублению кризиса Запада, на который мы вряд ли можем реально влиять, а не дать ему слишком нас захлестнуть. Чем больше Россия включена в систему ценностей экономических, идеологических – каких угодно – Запада, тем сильнее западный кризис будет сказываться на нас. Поэтому осторожное, разумное для русских отношение заключалось бы в некотором дистанцировании от Запада – в таком, которое проявляется во многих странах, например азиатских.

Сейчас в основе реального разделения страны лежит колоссальный перелом всей жизни, который наиболее ярко выразился в последние десять лет. Фактически он начинался еще с военного коммунизма (это была первая попытка), затем коллективизация и т. д. Мне кажется, это один процесс, который нельзя дробить на части, иначе он становится непонятным. Как к нему относиться?

Есть люди, которые стоят на такой точке зрения: надо принять то, что произошло, и нужно надеяться, что воры со временем вернут хоть часть украденного, будут вкладывать деньги в нашу экономику, проститутки не будут рекламироваться в газетах и по телевизору, и жизнь как-то наладится. Другие этими реформами вытолкнуты из жизни, им остается только терпеть, стиснув зубы: если сами не смогут что-то исправить, то передадут это своим детям. Так относились к монгольскому завоеванию русские в XIII в. Это, мне кажется, главное разделение.

В этом смысле выборы в Думу, хотя бы чисто формальные, конечно, могут служить некоторым индикатором, но ведь поразительно, что в выборах участвовало только 55% тех, кто имел право голоса! Если вычесть тех, кто голосовал против всех, то, может быть, выборы вообще бы не состоялись! Эти цифры очень как-то не любили называть. Я смотрел несколько телевизионных передач, посвященных выборам. Говорили о том, какая партия сколько голосов получила, кто кого перегнал, кто в Думу прошел, кто не прошел и т. д., а эти фундаментальные цифры: один раз они были названы и больше не повторялись. Это характеризует серьезность положения наиболее ярко. Мы, собственно, потеряли единый народ. Оказалось, что в народе имеются два совершенно разных взгляда на жизнь, которые никак не удастся свести. В то же время те, кто агитационно декларировал симпатии к сильному государству и говорил, что он за русских, тот имел некий успех, что показывает, что уже устали от противоположной фразеологии и от того, чтобы об народ публично вытирали ноги. Жесты вроде заявления, что «будем мочить террористов в сортире» и т. д., воспринимаются очень положительно. Но, как мне представляется вся картина, дух выборов оставляет впечатление трагическое, какой-то обреченности. Это как русские дворяне

перед революцией бунтовали против государства, которое единственное их только и защищало. Главная оппозиционная партия была кадетская, руководство которой состояло в основном из дворян старых хороших фамилий, а в их партийной программе стоял пункт о принудительном отчуждении земли. Так и сейчас потеряно какое-то классовое чувство самосохранения. Поливают друг друга помоями так, что в результате вся система компрометируется – не только тот или иной участник дискуссии, а все вместе. Такое возникает чувство – просто метлой бы это все надо вымести, и все! Если бы появился кто-то, кто бы заявил: «Караул устал!» – то это было бы естественной реакцией, а это, в общем, реакция деструктивная, потому что не предлагает реального выхода. В этом – главный трагизм положения.

ИСТОРИЯ «РУСОФОБИИ»¹

Вопрос о взаимоотношении наций тяжелый, потому что нации составляют элемент жизни, жизнь есть борьба, и мы все время видим элементы столкновения национальных интересов. Например, столкновения между армянами и азербайджанцами, которые были еще и до революции, и при установлении советской власти, потом в Сумгаите, Карабахе и т. д. Возникает вопрос: как относиться к этим проблемам, нужно ли, как по английской пословице, «не будить спящую собаку», обходить их молчанием? Обсуждение иногда называется разжиганием межнациональной розни. Что же выбрать? Мне кажется, что здесь у нас есть большой опыт, потому что в эпоху советской, коммунистической власти была попытка преодолеть национальные проблемы путем их за-

¹ По передаче на радиостанции «Радонеж».